

—

Позже никто не вспоминал тот вечер. Пань Сяочжуо раньше никогда не пил, и он не знал, отключился ли он, выпив слишком много в первый раз, или все еще помнил, что произошло прошлой ночью.

Он и Ши Кай изначально не особо общались наедине, тем более не стали бы специально обсуждать тот вечер.

В тот день за ужином Пань Сяочжуо сказал Тао Хуайнаню, что расскажет ему свой маленький секрет, но тут же отказался от своих слов. Когда Тао Хуайнань снова спросил его, он ничего не сказал.

Тао Хуайнань даже притворился, что вздыхает, говоря, что Сяочжуо вырос.

Пань Сяочжуо все равно продолжал притворяться глупым, не упоминая о своем маленьком секрете.

Пань Сяочжуо очень гладко сдал вступительный экзамен в аспирантуру и получил степень магистра финансов в этом городе. Он все еще не был общительным человеком и не был близок со своими соседями по комнате, но он хорошо ладил со своими старшими. Учителя его очень любили. Хотя Сяочжуо не был хорош в общении, такой тип студентов был прост в использовании и работал быстро и эффективно.

Тао Хуайнань оставался его единственным другом, они часто виделись. Тао Хуайнань теперь тоже был магистром психологии, постоянно подрабатывал в больнице, будучи доверенным слушателем.

Сяочжуо также постоянно подрабатывал, у него были фиксированные уроки в репетиторском центре и два частных урока. Вместе с университетской стипендией и грантами этого хватало на его текущие расходы и плату за обучение, и еще оставалось. Кроме того, у Сяочжуо был небольшой «серый» доход от нескольких подработок по написанию дипломных работ. Поэтому после некоторого времени обучения в аспирантуре у него появились небольшие сбережения.

На самом деле, после смерти отца у них в семье оставались кое-какие деньги. Эти деньги мать Пань Сяочжуо не забрала, оставив их бабушке. Плюс позже они продали свой дом. С учетом расходов на проживание у тети до поступления в университет, вероятно, еще что-то осталось. Но он никогда не упоминал об этом тете и дяде.

Пань Сяочжуо жил простой жизнью, перемещаясь по маршруту: университет, репетиторский центр, дома учеников. Единственное его развлечение, кроме этого, было поужинать с Тао Хуайнанем. Такая жизнь для Сяочжуо была комфортной и беззаботной.

Он больше не связывался с Ши Каем. Ши Кай вернулся в Пекин и сейчас там работал. Это Пань Сяочжуо узнал от Тао Хуайнаня.

—

«Кай-Кай, то дело, о котором я говорил тебе в прошлый раз, как думаешь, работает?»

В обеденный перерыв в офисе коллега подкатился на стуле, держа в руках огромную коробку

пиццы. Ши Кай оторвал кусок, откусил и спросил: «Какое дело?»

«Ну, моя племянница», — в офисе были только они вдвоем. Коллега подвинул стул еще ближе к Ши Каю, подлокотник стукнул о стул Ши Кая, и он подмигнул. «Моя племянница, студентка по обмену, изучает искусство, очень красивая. Хочешь, покажу фотографии?»

Ши Кай, жуя пиццу, смеялся и отстранялся: «Мне кажется, ты просто хочешь мной воспользоваться».

«Эх, ты же знаешь наш семейный ранг, моя племянница всего на два года младше меня. Я говорю тебе серьезно, вы точно сойдетесь, поверь мне».

Коллега не в первый раз заводил этот разговор, но Ши Кай не поддавался. Коллега поставил коробку с пиццей на стол Ши Кая и, не обращая внимания на жирные руки, полез в карман за телефоном, чтобы показать Ши Каю фотографии своей племянницы.

Она действительно была красивой, чистой и элегантной. Длинные черные прямые волосы ниспадали на плечи, легкий макияж, квадратные очки, и нежный темперамент. Объективно говоря, это полностью соответствовало эстетическим предпочтениям Ши Кая.

«А? Если бы это не было действительно подходящим, думаешь, я бы захотел заниматься этим сватовством?» — Коллега пролистал еще несколько фотографий, проводя пальцем перед глазами Ши Кая. «За моей племянницей ухаживает целая куча парней, но никто ей не нравится. Я просто вижу, что вы двое подходите! Будь то внешность или характер, вы идеально подходите друг другу».

Ши Кай доел кусок пиццы, толкнул подлокотник коллеги коленом, чтобы оттолкнуть его, и встал, чтобы пойти мыть руки.

«Гэ, мне всего двадцать три», — Ши Кай не обернулся, смеясь сказал на ходу. «Я не хочу так рано идти на свидания вслепую».

«Какие свидания вслепую, просто познакомьтесь!» — Коллега все еще не сдавался. «Скажу тебе честно, мой старший брат боится, что ее уведет какой-нибудь богатый наследник. Семья так и ждет, что она найдет хорошего парня, боится, что она встретит кого-то ненадежного».

Когда Ши Кай вернулся после мытья рук, коллега все еще ел пиццу на месте Ши Кая. Обычно у них были хорошие отношения, и Ши Кай всегда хорошо к нему относился с момента прихода в компанию.

Коллега, подняв голову, бросил фразу: «У нас есть пекинская прописка, Кай-Кай!»

Ши Кай громко рассмеялся и, поняв, что больше не может этого выносить, смог только сказать: «Я даже близко не могу приблизиться к этой богатой семье».

«Не тяни резину со мной», — коллега спросил. «Я отправлю твои фотографии?»

«Нет, не надо», — Ши Кай сел и серьезно сказал. «Брат, я сейчас не думаю о свиданиях и поиске партнера. Я только что окончил университет, хочу поработать несколько лет, пока молод. Откуда у меня время на свидания?»

Это был практически прямой отказ, и коллега понял, что он действительно не заинтересован. Он не стал настаивать, лишь с легким сожалением спросил: «Правда не получится?»

Ши Кай увидел, что собеседник понял его, и ответил взглядом. Когда дело было улажено, Ши Кай снова с показным высокомерием пошутил: «Если бы у меня хоть на йоту было желание заводить отношения, разве я бы до сих пор был один? Разве Каю трудно завести отношения?»

Коллега с улыбкой обругал его: «Фу, какой самодовольный».

Ши Кай взял телефон и сказал: «Я тоже пойду поем».

Тот махнул рукой: «Иди быстрее».

Отказ Ши Кая коллеге не был ложью; у него действительно не было времени на отношения. Ши Кай получил работу по набору выпускников, и он был единственным в своей специальности, кто был принят в головной офис сети тестирующих агентств в Пекине. Его взяли не потому, что он был лучшим по всем показателям; многие магистры из университета тоже подавали заявления, но в итоге взяли Ши Кая просто потому, что он понравился.

Сосед по комнате тогда говорил, что Ши Каю повезло, но на самом деле Ши Кай всегда был хорош в беседах. Умел говорить, имел эффектную внешность, к тому же оценки у него были неплохие.

Такому новичку, как Ши Кай, только что окончившему университет, не доставалось легкой работы, только то, что другие не хотели делать. В такое время начинать отношения, у него действительно не было сил.

Вернувшись вечером в съемную квартиру, было уже за одиннадцать. Ши Кай принял душ, немного прибрался и сразу лег в кровать. Голова до сих пор была затуманенной, очень устал, но уснуть не мог.

В телефоне куча сообщений: от друзей, болтающих в чатах, и из групп, где его упоминали. Ши Кай в последнее время был так занят, что у него не было времени смотреть телефон. Их команда закончит этот проект только в следующем месяце, тогда он сможет немного передохнуть.

Ши Кай смотрел в потолок, задумавшись, и ему стало интересно. Раньше он не был таким целеустремленным, он был человеком, который плыл по течению. Возможно, люди, взрослея, естественным образом становятся зрелыми, начинают постепенно переносить себя и свое будущее с родителей на себя, и тогда понимают, что жизнь не так уж и легка.

Начинать отношения в таком состоянии, оба человека чувствовали бы себя очень уставшими.

Ши Кай действительно не хотел сейчас заводить отношения, но это не значит, что у него их никогда не было.

В средней школе он плохо учился, начал курить, встречался с девочкой из соседнего класса. Они несколько раз обменивались записками, несколько раз гуляли по стадиону. Когда группа мальчиков из средней школы играла в баскетбол, девочка приходила посмотреть и приносила ему воду. Больше ничего не помнится, и ничего особенного не было.

В старшей школе он целыми днями тусовался с Цзи Нанем и остальными, все время проводил в дурачествах с друзьями.

На первом курсе у него были отношения, но они продлились меньше двух месяцев и закончились, оба чувствовали, что не подходят друг другу. С тех пор Ши Кай больше ни с кем

не встречался. Он не встречал никого, кто бы его по-настоящему зацепил, и он не был таким игроком, как Цзи Нань. Ши Кай внешне был довольно открытым, но на самом деле был серьезным человеком.

Ши Кай так и лежал, бездумно глядя в потолок. Через несколько минут, не зная, о чем он вспомнил, он взял телефон со стороны.

Он поднял телефон к глазам, открыл WeChat Moments и просто пролистал. Пролистав некоторое время и ничего не найдя, он нажал на адресную книгу и пальцем пролистал вниз до «Р».

Пань Сяочжуо.

Ши Кай нажал на его аватарку, затем перешел в его Moments.

В Moments по-прежнему было вчерашнее сообщение, фотография, на которой была вывеска магазина. Подпись: Ха-ха-ха, мы с Хуайнанем пришли поесть говяжьего супа Хуайнань.

Ши Кай не понимал, что он смотрит, заблокировал телефон, бросил его в сторону и продолжил лежать, глядя в потолок с ошеломленным разумом.

Многие вещи действительно очень странные.

Иногда даже сам человек не может понять свои мысли и поступки.

Например, Ши Кай не мог понять, почему он всегда думал о Пань Сяочжуо, когда думал о любви и эмоциональных проблемах.

Он постоянно вспоминал тот взгляд.

«Эмоциональные проблемы» и «Пань Сяочжуо» - эти два понятия совершенно несовместимы и не должны быть связаны рефлекторно. Это просто абсурдно.

Это действительно очень странно, но и довольно интересно.

Если бы Пань Сяочжуо хоть на йоту проявил свои чувства перед Ши Каем, чтобы Ши Кай заранее что-то понял, или если бы Пань Сяочжуо прямо и открыто высказался Ши Каю, для Ши Кая это не было бы проблемой. Он мог бы отшутиться, и они оба остались бы приличными и неловкими.

Но Пань Сяочжуо, наоборот, скрывал свои чувства глубоко, а потом, когда Ши Кай был совершенно не готов, он, улыбаясь, коснулся своей груди и сказал: «Ши Кай это Ши Кай».

Непонятное происшествие, но спустя столько времени оно все еще часто вспоминается.

Ши Кай выдохнул и перевернулся на бок.

Закрыв глаза, он снова увидел горячую ладонь Пань Сяочжуо на своем лице, а сквозь очки — глаза, словно наполненные нежным озером.

Эта ситуация была похожа на мысль без начала и конца, постоянно витающую в голове Ши Кая. Иногда она появлялась и заставляла его задуматься.

Ши Кай всегда был нерешительным человеком, но раз уж это постоянно заставляло его

задумываться, то он, очевидно, должен был найти возможность разобраться в этом.

Еще один Новый год по лунному календарю, Пань Сяочжуо снова проводил в одиночестве, не приняв приглашения Тао Хуайнаня провести праздник у него дома, и не вернулся к тете, как она просила.

Он все еще не очень хорошо переносил многолюдные места, и для него было комфортнее одному в общежитии.

В университете проявляли заботу: в канун Нового года по лунному календарю все студенты, проживающие в общежитии, могли бесплатно получить порциюпельменей в столовой. Пань Сяочжуо было лень идти, потому что было холодно.

Днем на улице шел снег, и выходить было холодно, не говоря уже о том, что подошвы обуви, набравшие снег, загрязняли ступеньки и коридоры. У Сяочжуо не было особого праздничного настроения, ему было комфортнее сидеть в общежитии, закутавшись в одеяло и читая книгу.

Однако в этот канун Нового года Сяочжуо все же поелпельменей.

Накануне Пань Сяочжуо получил сообщение от Ши Кая в WeChat, где тот предлагал как-нибудь встретиться и поужинать. Они не общались больше года, и Сяочжуо, удивившись сообщению, очень обрадовался и с готовностью согласился.

Затем они немного поболтали, Ши Кай спросил Пань Сяочжуо, где тот будет встречать Новый год, Сяочжуо ответил, что в общежитии.

Ши Кай отправил голосовое сообщение: «Это так грустно».

В его голосе всегда была легкая улыбка. Сяочжуо прослушал дважды, затем ответил: [Не грустно, я привык.]

Ши Кай больше не ответил, и Сяочжуо подумал, не сказал ли он что-то, после чего было трудно продолжить разговор.

Когда в канун Нового года вечером Пань Сяочжуо, приняв звонок, в шоке спустился вниз и действительно увидел Ши Кая у главного входа, Пань Сяочжуо был в туманном, нереальном состоянии.

«В конце концов, это же Новый год, не сиди один в общежитии, это так жалко», — улыбнулся и сказал ему Ши Кай, ведя машину. «Кай Гэ возьмет тебя с собой развлекаться».

Казалось, после выпуска каждое его появление было неожиданным для Пань Сяочжуо. Это всегда заставляло Пань Сяочжуо в замешательстве чувствовать, будто он во сне, полный невероятного удивления.

Пань Сяочжуо посмотрел на него и спросил: «Ты не будешь праздновать Новый год?»

Ши Кай безразлично сказал: «Уже отпраздновал».

Пань Сяочжуо взглянул на часы, было только девять. Ши Кай сказал: «Следующий шаг — играть в маджонг всю ночь. Если я не выйду, мне придется играть в маджонг с мамой и тетей всю ночь».

Пань Сяочжуо снова растерянно спросил: «Тогда, если ты вышел... они смогут собраться?»

«Да, мой папа и дедушка тоже могут играть, они просто хотят меня поймать. Я не очень умею играть, и если играю, то всегда проигрываю им».

Только тогда Пань Сяочжуо почувствовал некоторую реальность и улыбнулся.

Очки Пань Сяочжуо покрылись инеем, он снял их и помахал в руке. Ши Кай повернул голову и взглянул на него. Пань Сяочжуо тоже взглянул в ответ, но плохо видел. Люди, долго носящие очки, когда их снимают, выглядят с пустым взглядом, не сфокусированным. Это также придает взгляду растерянность, даже некоторую невинность.

Ши Кай вел машину полчаса и привез Пань Сяочжуо в большой двор. Издалека у ворот двора стоял огромный каменный лев, покрытый снегом. Подойдя ближе, обнаружил, что он был сделан из снега, и, возможно, его каждый день трогали, отчего он стал блестящим.

Не успев войти, они услышали звуки гитары, и смутно доносились голоса поющих людей.

Зайдя во двор, нужно было пройти по узкому коридору. Пань Сяочжуо последовал за Ши Каем, спрашивая: «Это хостел?»

«Скорее, это общежитие, люди, которые привыкли здесь жить, не уезжают», — сказал Ши Кай.

Это место принадлежало другу детства Ши Кая по фамилии Чжао, который торговал музыкальными инструментами, был небогатым, но обеспеченным человеком. Здесь жили молодые люди, которые целыми днями собирались вместе и занимались своими делами.

Прежде чем войти, Пань Сяочжуо думал, что внутри будет красивый небольшой особняк, но, войдя, увидел обычный большой двор. Снаружи дом выглядел как обычный одноэтажный дом, и двор был обычным двором, но очень большим, и во дворе было навалено много разных вещей.

И много, много людей. Несколько человек сидели посередине и пели, а десятки человек стояли вокруг.

Пань Сяочжуо, будучи социофобом, при виде такого количества людей подсознательно остановился. Ши Кай сказал: «Все в порядке, никто никого не знает».

Пань Сяочжуо ничего не почувствовал, возможно, потому, что был с Ши Каем, Ши Кай вселял уверенность, и Пань Сяочжуо не обращал внимания на других.

Каждый китайский Новый год здесь было довольно оживленно. Те, кто не вернулся домой из других городов, те, кто не хотел возвращаться домой, или те, кто, как Ши Кай, сбежал из дома, — все они собирались здесь. Кто-то пел, кто-то играл в игры, кто-то ел, каждый занимался своим делом.

Друг детства Ши Кая увидел их и хотел подойти поздороваться. Ши Кай издалека махнул ему рукой, показывая, чтобы тот продолжал заниматься своими делами, не нужно подходить.

Друг детства показал на кухню, давая понять, что можно брать еду самостоятельно.

На кухне специально наняли человека для готовки, это был мужчина средних лет. Там же сидел студент на маленьком табурете и ел лапшу из стаканчика.

«Будете пельмени?» — спросил их мужчина.

«Будем», — Ши Кай с улыбкой сказал. «На Новый год обязательно надо есть».

Ши Кай провел Пань Сяочжуо по кухне, поднимая крышки с каждой кастрюли. Внутри были блюда, Ши Кай набрал немного в несколько одноразовых контейнеров.

Дядя приготовил две порциипельменей, Ши Кай и Пань Сяочжуо сидели в углу стола. Снаружи громко играла английская песня, из колонок доносился грохот, а на кухне Ши Кай и Пань Сяочжуо ели и разговаривали.

Пань Сяочжуо думал, что Ши Кай просто из приличия составит ему компанию, боясь, что ему будет неудобно есть одному. Однако, глядя на то, как Ши Кай ест, Сяочжуо невольно спросил с сомнением: «Кай Гэ... ты что, дома не ел?»

Ши Кай сказал: «Во время ужина я не был голоден, поэтому не ел. Теперь проголодался».

Пельмени, приготовленные дядей, были очень вкусными, только что из кастрюли, пышущие паром. Когда Сяочжуо дул на пельмени, пар возвращался, застилая очки, он дул, и пар налетал.

Ши Кай рассмеялся, глядя на него, и сказал: «Может, ты их снимешь?»

Пань Сяочжуо быстро покачал головой и сказал: «Тогда я буду как Хуайнань».

«При минус шести не так уж и плохо», — сказал Ши Кай.

Пань Сяочжуо с некоторым удивлением посмотрел на Ши Кая. Он один раз упомянул о минус шести много лет назад, но не ожидал, что тот до сих пор это помнит.

Ши Кай взглядом показал ему: «Ешь быстрее, а то остынет».

Пань Сяочжуо опустил голову и продолжил дуть на горячее.

На самом деле, сказать, что они были близки, это неправда. В последние два года у них были контакты из-за двоюродной сестры Ши Кая, они встречались дважды наедине, а также в прошлый раз ночью Ши Кай подвозил Пань Сяочжуо в общежитие. Кроме этого, других контактов практически не было.

Но удивительно то, что при каждом контакте они вели себя очень естественно, и Пань Сяочжуо, который не умел общаться с людьми, ни разу не чувствовал себя неловко. Он был более раскрепощенным, чем обычно, почти так же, как когда он был с Тао Хуайнанем. Возможно, потому, что для Пань Сяочжуо Ши Кай был в его сердце столько лет, что он уже слишком хорошо его знал.

После еды Ши Кай спросил Пань Сяочжуо, хочет ли он послушать музыку, но Пань Сяочжуо покачал головой. Какой болезнью должен болеть человек, чтобы стоять на улице и слушать пение людей в эту холодную зиму... Все были закутаны в большие пуховики и топали ногами на холоде, гитарист после одной песни уже почти окоченел. В чем смысл этого...

Ши Кай привел Пань Сяочжуо в одну из комнат. Комната была пустой, только огромный телевизор и ряд длинных диванов. В комнате был настелен ковёр, но он был уже так сильно изношен, что на него было больно смотреть.

«Будешь играть?» — Телевизор был подключен к игровой приставке, Ши Кай присел на корточки и спросил.

Пань Сяочжуо сказал: «Я не умею».

«Хочешь поиграть? Хочешь, я научу?» — сказал Ши Кай.

Он сидел спиной к Пань Сяочжуо, присев на корточки перед телевизором. Низ его пуховика касался пола. Пань Сяочжуо сказал: «Одежда трется о пол, Кай Гэ».

Ши Кай опустил глаза, взглянул, небрежно приподнял одежду, свернул ее спереди и снова сказал: «Я помню, у него здесь еще есть Dendy. Умеешь играть в «Танчики»? Я поиграю с тобой?»

Пань Сяочжуо все еще качал головой: «Нет, я никогда не играл».

Пань Сяочжуо остался без семьи в раннем детстве, и с тех пор жил у тети. У тети не было игровых приставок, а к тому времени, когда у ее младшего брата появились приставки, старые уже давно устарели, и современные дети в них не играли. Пань Сяочжуо, вырастая, не имел представления об играх.

Ши Кай обернулся, взглянул на него, затем снова опустил голову и начал рыться в шкафчике под телевизором в поисках игровой приставки, сказав: «В этом ничего сложного, подходи, я научу».

Игровую приставку Dendy, которую другие дети затерли до дыр, Пань Сяочжуо впервые увидел сегодня. Ши Кай играл с Сяочжуо в «Танчики». Пань Сяочжуо действительно не умел, и всегда быстро погибал. Ши Кай тоже много лет не играл, он неуклюже уклонялся, а еще должен был руководить Пань Сяочжуо.

Они подтащили длинный диван к телевизору. Ши Кай снял обувь, скрестил ноги и прислонился к дивану, а Пань Сяочжуо сидел прямо. Снаружи грохотала музыка и фейерверки, а они вдвоем уютно сидели на диване, играя в игры.

«Кай Гэ, Кай Гэ», — Пань Сяочжуо, за которым гнался маленький танк, крикнул Ши Каю.

«Иду», — Ши Кай уже превратился в неуязвимый разноцветный большой танк, он несколько раз пробил стену, чтобы Пань Сяочжуо мог пройти. Пань Сяочжуо быстро пролез через этот проход, а за ним все еще гнался маленький танк, стреляя ему в зад.

«Ты их бей, почему ты все время прячешься?» — Ши Кай с улыбкой сказал.

«Я не могу попасть», — Пань Сяочжуо тоже был в замешательстве. «Я не знаю, что происходит».

Ши Кай, улыбаясь, сказал: «Все в порядке, просто делай, что хочешь, найди место, где можно спрятаться».

Этой ночью Пань Сяочжуо чаще всего называл его «Кай Гэ». Обычно он немного стеснялся, называя его так только тогда, когда это было абсолютно необходимо. В этот вечер, играя в игры, он не обращал на это внимания. Ши Кай слышал, как он постоянно звал «Кай Гэ, Кай Гэ», его тон всегда был таким же отчаянным, как если бы его вот-вот убили, и в этом крике о помощи была какая-то зависимость, которую Пань Сяочжуо даже не осознавал.

Ши Кай иногда отвечал, приходил на помощь, а иногда, взглянув, просто с улыбкой говорил: «Не могу пройти, не могу тебя спасти».

Друг детства Ши Кая вошел, принес им сухофрукты и колу, а также тарелку фруктов. Ши Кай сказал: «Спасибо, оставь».

Друг детства, увидев, как они увлечены игрой в Dendy, был безмолвен: «Вы, двое, могли бы так увлечься серьезной игрой, но почему вы так увлечены «Танчиками», что даже головы не поднимаете?»

«Ах». Ши Кай открыл колу и протянул Пань Сяочжуо, говоря другу детства: «Вспоминаем детство. В детстве ты постоянно просил меня поиграть с тобой».

«Тогда мы были непобедимы в этой игре», — друг детства, посмотрев, как они играют, сказал. «Твой напарник явно не так хорош, как я, давай поиграем вместе».

Пань Сяочжуо только что погиб, услышал это, поспешно положил джойстик и встал, чтобы уступить место другу детства. Ши Кай сказал: «Поторопись и садись, Чжуо».

Друг детства издал звук «пфф» и сказал: «Я с тобой поиграю немного, а ты еще и не рад».

Кто-то позвал его снаружи, друг детства ответил и вышел.

Пань Сяочжуо снова сел. Ши Кай спросил его: «Сонный?»

«Нет», — Пань Сяочжуо улыбнулся и сказал. «Совсем не сонный, очень бодрый».

«Верно, если они так поют снаружи, даже бог не уснет», — сказал Ши Кай.

Пань Сяочжуо выглянул наружу и спросил: «До сколько они будут петь?»

Ши Кай сказал: «Не знаю, все выпили, когда протрезвеют, тогда и закончат».

Ночь китайского Нового года всегда кажется не такой, как обычно. Если лечь спать рано, как обычно, кажется, что теряется часть праздничной атмосферы. Пань Сяочжуо в последние годы не воспринимал его как праздник, он просто смотрел фильмы в общежитии и ложился спать.

Этот канун Нового года был самым необычным для Пань Сяочжуо за многие годы.

Позже они перестали играть в игры, пошли помыть руки. Вернувшись, Ши Кай включил комедию. Они уже видели ее раньше, просто смотрели, чтобы скоротать время.

Пань Сяочжуо чистил мандарин и ел его дольками. Ши Кай держал колу и время от времени делал глоток.

Неизвестно, когда певцы снаружи замолчали. Комната теперь была занята ими двоими. Некоторые люди ушли домой, другие пошли играть в другие комнаты.

«Ты разве не идёшь домой сегодня вечером?» — Пань Сяочжуо уже не сидел так прямо, он откинулся на спинку дивана и спросил Ши Кая.

«Нет, не вернусь», — Ши Кай, накинув куртку на грудь, сказал, глядя в телевизор. «Завтра утром отвезу тебя обратно в общежитие».

Пань Сяочжуо спрятал подбородок за молнию куртки, прикусил кончик молнии, а потом сказал: «Спасибо, Кай Гэ».

Ши Кай небрежно ответил: «За что спасибо?»

Пань Сяочжуо сказал: «Что взял меня с собой, что мы вместе встретили Новый год».

Ши Кай повернул голову и посмотрел на него. Пань Сяочжуо встретил его взгляд, не прячась, его глаза были очень искренними.

Ши Кай посмотрел на него несколько секунд, затем внезапно отвернулся, беспомощно улыбнувшись: «Ты опять смотришь на меня таким взглядом...»

Пань Сяочжуо не понял.

«Расскажу кое-что интересное», — сказал Ши Кай.

«М?» — Пань Сяочжуо ждал, что он скажет.

В этот момент по телевизору было немного шумно, Ши Кай взял пульт и убавил звук. Он выглядел так, будто рассказывал о чем-то очень странном.

«В тот день, когда мы ужинали в прошлом году, я не знаю, помнишь ли ты».

Как только он это сказал, Пань Сяочжуо невольно отвел взгляд в сторону, к телевизору.

«Ты тогда тоже так смотрел на меня, даже сильнее, чем сейчас...» Ши Кай сделал паузу и сказал: «Я не знаю, как это описать».

В тот момент Пань Сяочжуо не просто смотрел на него, но Ши Кай ничего другого не упомянул, сказал только это.

Пань Сяочжуо молчал, тихо глядя вперед. Тон Ши Кая казался непринужденным, будто он не придавал этому особого значения, поэтому атмосфера не стала неловкой.

«Ты тогда, наверное, был сильно пьян, немного оцепенел», — продолжил Ши Кай, — «но я до сих пор помню выражение твоих глаз, когда ты смотрел на меня в прошлом году, и это странно».

Пань Сяочжуо держал последнюю дольку мандарина долгое время, все белые прожилки были им аккуратно удалены. Он неосознанно мял мандарин, пока его уже нельзя было есть.

«Я изначально не собирался спрашивать тебя, боялся, что у тебя снова проявится социальная тревожность», — Ши Кай с легкой улыбкой сказал. «Но я вижу, что тебе со мной, кажется, нормально, поэтому я решил поговорить, иначе у меня всегда будет что-то на уме».

Пань Сяочжуо не поднял глаз, но сказал: «Хм».

«Так ты на всех так смотришь?» — Ши Кай посмотрел на Сяочжуо и спросил. «Или только на меня?»

Пань Сяочжуо ответил, тихо спросив: «...Как?»

Ши Кай улыбнулся: «Я же сказал, не знаю, как описать, просто... тепло? Примерно так».

Пань Сяочжуо все еще мял дольку мандарина. Сначала он промолчал, затем, через несколько секунд, поднял голову, снова посмотрел на Ши Кая и первым задал встречный вопрос: «Если я

скажу, что только на тебя... почувствуешь ли ты давление, Кай Гэ?»

Ши Кай поднял бровь, взглянув на него.

Пань Сяочжуо спокойно сказал: «Тогда так оно и есть».

—

<http://bllate.org/book/12843/1131948>